

УДК 1(091)“652”

ББК 87.3(0)

ПЗ7

Платон

ПЗ7

Апология Сократа. Критон. Протагор. : [перевод с древнегреческого] / Платон. — Москва : Эксмо, 2015. — 128 с. — (Великие идеи).

Платон — древнегреческий философ, ученик Сократа и учитель Аристотеля, основатель идеализма. Его учение заметно повлияло на всю мировую философию. В эту книгу вошли признанные памятники античной литературы — три известнейших произведения Платона, «Апология Сократа», «Критон», «Протагор», в которых в художественной форме отображаются идеи и личность его наставника — великого философа Сократа, под чьим влиянием Платон находился в раннем, так называемом сократическом периоде своего творчества.

Переводы диалогов с древнегреческого выполнены Владимиром и Михаилом Соловьевыми — сыновьями знаменитого историка С. М. Соловьева.

УДК 1(091)“652”

ББК 87.3(0)

Издание для досуга

ВЕЛИКИЕ ИДЕИ

Платон

АПОЛОГИЯ СОКРАТА

Критон. Протагор

Ответственный редактор *М. Терешина*. Художественный редактор *Е. Гузнякова*

Оригинал-макет подготовлен издательским центром «НОУФАН»

nofunpublishing.com

valery@nofunpublishing.com

+7 (903) 215-68-69

Сведения о подтверждении соответствия издания согласно законодательству РФ о техническом

регулировании можно получить по адресу: <http://eksmo.ru/certification/>

Эндриген мемлекет: Ресей. Сертификация қарастырылмаған

Подписано в печать 26.12.2014.

Формат 70x100¹/₃₂. Печать офсетная. Усл. печ. л. 5,19.

Тираж экз. Заказ

© ИП Сирота Э. Л. Текст
и оформление, 2015

ISBN 978-5-699-75842-5 © Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2015

| СОДЕРЖАНИЕ

«Вся западная философия – лишь примечания к Платону...».....	4
Предисловие	6
АПОЛОГИЯ СОКРАТА	
<i>Перевод Михаила Соловьева</i>	8
КРИТОН	
<i>Перевод Михаила Соловьева</i>	40
ПРОТАГОР	
<i>Перевод Владимира Соловьева</i>	57
ИЗБРАННЫЕ АФОРИЗМЫ	126

ПЛАТОН

428 (427) – 348 (347) гг. до н. э.

«Вся западная философия — лишь примечания к Платону...» (А. Н. Уайтхед)

Платон — древнегреческий философ, ученик Сократа и учитель Аристотеля, основатель идеализма. Его учение заметно повлияло на всю мировую философию. В основе его взглядов лежит представление о трех основных субстанциях: едином, уме и душе. По Платону, бытие состоит из абсолютного мира идей, «эйдосов» и чувственно воспринимаемого мира вещей, которые являются их реализацией.

428 (427) г. до н. э. — Платон родился в Афинах, в семье, принадлежавшей к аристократическому сословию. Получил традиционное всестороннее образование.

408 г. до н. э. — Двадцатилетний Платон познакомился с Сократом и стал его учеником.

399 г. до н. э. — После смерти учителя Платон отправился в Мегару к Евклиду, который тоже был учеником Сократа.

399—389 гг. до н. э. — За десять лет философ совершил ряд путешествий: сначала в Египет (эта древняя цивилизация произвела на него огромное впечатление), позже — в Италию и Южную Сицилию, где общался с пифагорейцами и перенял некоторые из их взглядов.

387 г. до н. э. — Платон основал в Афинах собственную школу, которую назвал Академией. Остаток жизни философ посвятил преподаванию.

367—366 и 361 гг. до н. э. — Еще две поездки Платона на Сицилию.

366 г. до н. э. — В Академии появился новый ученик — Аристотель.

348 (347) г. до н. э. — Платон скончался в возрасте восьмидесяти лет, до самого конца не теряя ясности рассудка. По легенде, философ умер в свой день рождения.

| Предисловие

В эту книгу вошли признанные памятники античной литературы — три известнейших произведения Платона, в которых в художественной форме отображаются идеи и личность его наставника — великого философа Сократа, под чьим влиянием Платон находился в раннем, так называемом сократическом периоде своего творчества. Хронологически самыми ранними являются «Апология Сократа», написанная, по мнению историков, вскоре после суда над Сократом, в 397 или 396 году до н. э., и «Критон». «Протагором» же этот период фактически завершается. «Апология Сократа» — это трехчастная речь Сократа, обращенная к афинянам. «Критон» и «Протагор», как и большая часть сочинений Платона, написаны в виде диалога между людьми противоположных взглядов, ставящими своей целью поиск истины. Знакомство с этими произведениями позволяет получить представление о раннем Платоне и развитии его взглядов на пути к созданию собственного учения.

Центральная тема «Апологии» — взаимоотношения человека и государства. Платон воспроизводит речь своего учителя, произнесенную в ответ на выдвинутые афинским судом обвинения в безбожии (он учит чтить не тех богов, которых чтит город, а других, новых) и в том, что этим он портит молодежь. Как известно, Сократ не признал себя виновным и по приговору суда принял яд.

Место действия диалога «Критон» — тюрьма, где Сократ ожидал казни целый месяц, так как приговор был вынесен накануне отправки на остров Делос ежегодного посольства, посвященного Тесею, а в это время в Афинах смертные приговоры не исполнялись. Богатый афинянин Критон, ученик Сократа, и раньше

выручавший его в сложных обстоятельствах, вместе с Платоном и другими почитателями философа готов был уплатить штраф за учителя, но тот отказался. Когда неизбежность казни стала очевидной, Критон предложил Сократу побег. По преданию, Сократ спросил: «Знаешь ли ты такое место за пределами Аттики, куда нет доступа смерти?..» Философ спокоен, он уважает законы и готов способствовать их исполнению даже в том случае, если они применяются судьями неправильно. Сократ отказывается от побега, утверждая, что на несправедливость нельзя отвечать несправедливостью.

«Протагор» — одно из самых известных ранних сочинений Платона, посвященное добродетели в целом. Диалог происходит между Сократом и философом-софистом Протагором в доме некоего Каллия. Участниками разговора становятся многие именитые граждане Афин, в том числе известные софисты Гиппий Элидский и Продик Кеосский. Здесь Платон выступил как свидетель реальной встречи, хотя присутствовать на ней он не мог: упоминания исторических событий и персоналий дают возможность датировать ее примерно 433 годом до н. э., то есть ещё до рождения Платона.

Переводы диалогов с древнегреческого выполнены Владимиром и Михаилом Соловьевыми — сыновьями знаменитого историка С. М. Соловьева. Известный философ, поэт и публицист В. С. Соловьев оказал большое влияние на русскую религиозную мысль, а также на литературу начала XX века, как и М. С. Соловьев, переводчик, педагог и издатель сочинений брата.

АПОЛОГИЯ СОКРАТА

| [После обвинительных речей]

- ¹⁷ **К**ак подействовали мои обвинители на вас, афиняне, я не знаю; а я из-за них, право, чуть было и сам себя не забыл: так убедительно они говорили. Впрочем, верного-то они, собственно говоря, ничего не сказали. Из множества их поклепов всего больше удивился я одному: они говорили, будто вам следует остерегаться, как бы я вас не провел своим умением говорить. Но, по моему, верх бесстыдства с их стороны — не смущаться тем, что они тотчас же будут опровергнуты мной на деле, чуть только обнаружится, что я вовсе не силен в красноречии, — конечно, если только они не считают сильным в красноречии того, кто говорит правду; если они это понимают, тогда я готов согласиться, что я — оратор, однако не на их образец. Они, повторяю, не сказали ни слова правды, а от меня вы услышите всю правду. Только, клянусь Зевсом, афиняне, вы не услышите разряженной речи, украшенной, как у них, разными оборотами и выражениями, я буду говорить просто, первыми попавшимися словами — ведь я убежден в правоте моих слов, — и пусть никто из вас не ждет ничего другого; да и не пристало бы мне в моем возрасте выступать перед вами, афиняне, наподобие юноши, с сочиненной речью.
- ^B Но только я очень прошу вас и умоляю, афиняне, вот о чем: услышавши, что я защищаюсь теми же словами, какими привык говорить и на площади у меняльных лавок, где многие из вас слышали меня, и в других местах, то не удивляйтесь и не поднимайте из-за этого шума. Дело обстоит так: я теперь в первый раз при-
- ^C
- ^D

влечен к суду, а мне уже исполнилось семьдесят лет, и в здешнем языке я несведущ, словно чужестранец. Ведь вы извинили бы меня, если бы я был в самом деле чужеземцем и говорил бы на том языке и тем складом речи, к которым привык с детства, — точно так же и теперь я, по-моему, вправе просить у вас позволения говорить по моему обычаю — хорош ли он или нехорош, — и еще прошу обращать внимание только на то, правду ли я говорю или нет; в этом ведь достоинство судьи, долг же оратора — говорить правду.

И вот правильно будет, афиняне, если сперва я буду

защищаться против прежних ложных обвинений и против первых моих обвинителей, а уж потом против теперешних обвинений и теперешних обвинителей. Меня многие обвиняли перед вами и раньше, много уже лет, и все-таки ничего истинного они не сказали; их-то я опасюсь больше, чем Анита с его сообщниками, хотя и эти тоже страшны. Но те страшнее, афиняне! Они восстанавливали против меня очень многих из вас, когда вы были еще детьми, и внушали вам против меня обвинение, в котором не было ни слова правды: будто бы есть некто Сократ, человек мудрый, который испытует и исследует все, что над землею, и все, что под землею, и выдает ложь за правду. Вот эти-то люди, афиняне, пустившие такую молву, — самые страшные мои обвинители, потому что слушающие их думают, будто тот, кто исследует подобные вещи, и богов не признает. Кроме того, обвинителей этих много, и обвиняют они уже давно, да и говорили они с вами тогда, когда по возрасту вы всему могли поверить, ибо некоторые из вас были еще детьми или подростками. Да и обвиняли они заочно: оправдываться было некому. Но всего нелепее то, что и по имени-то их никак не узнаешь и не назовешь, разве вот только случится какой-нибудь среди них сочинитель комедий. Ну, а все те, которые

« Судья поставлен не для того, чтобы миловать по произволу, но для того, чтобы творить суд по правде »

восстанавливали вас против меня по зависти и по злобе или потому, что сами поверили наветам, а затем стали убеждать других — они совершенно недосыгаемы, их нельзя вызвать сюда, на суд, нельзя никого из них опровергнуть, и приходится попросту сражаться с тенями: защищаться и опровергать, когда никто не возражает.

E Поэтому признайте и вы, что у меня, как я сказал, два рода обвинителей: одни обвинили меня теперь, а другие давно — о них я только что упомянул, — и согласитесь, что сперва я должен защищаться против первых: ведь вы слышали их обвинения и раньше, и притом много чаще, чем нынешних обвинителей.

19 Стало быть, афиняне, мне следует защищаться и постараться в малое время опровергнуть клевету, которая уже много времени держится среди вас. Желал бы я, чтобы это осуществилось на благо и вам, и мне, — чего еще я могу достичь своей защитой? Только я думаю, что это трудно, и для меня вовсе не тайна, каково это дело — пусть оно идет, впрочем, как угодно богу, а закону следует повиноваться — приходится оправдываться.

B Разберем же с самого начала, в чем состоит обвинение, от которого, пошла обо мне дурная молва, полагаясь на которую, Мелит и подал на меня жалобу. Пусть будет так. В каких именно выражениях клеветали на меня клеветники? Следует привести их обвинение, словно клятвенное показание настоящих обвинителей: «Сократ преступает закон и попусту усердствует, испытывая то, что под землею, да и то, что в небесах, выдавая ложь за правду и других научая тому же».

C Вот в каком роде это обвинение. Вы и сами все видели в комедии Аристофана, как какой-то Сократ болтается там в корзинке и говорит, что он гуляет по воздуху; и еще он мелет там много разного вздору, в котором я ничего не смыслю. Говорю я это не в укор подобной науке и тому, кто достиг мудрости

D в подобных вещах, — доставало, чтобы Мелит привлек меня к суду еще и за это! — а только ведь это, афиняне, нисколько меня не касается. В свидетели могу привести очень многих из вас самих и требую, чтобы это дело

обсудили между собою все, кто когда-либо слышал мои беседы, — ведь среди вас много таких. Спросите друг у друга, слышал ли кто из вас когда-нибудь, чтобы я хоть что-то говорил о подобных вещах, и тогда вы узнаете, что настолько же несправедливо и остальное, что обо мне говорят.

Но ничего такого не было, а если вы слышали от кого-нибудь, будто я берусь воспитывать людей и зарабатываю этим деньги, так это тоже неправда, хотя, по-моему, это дело хорошее, если кто способен воспитывать людей, как, например, леонтиец Горгий, кеосец Продик, элидец Гиппий. Все они, афиняне, разъезжают по городам и убеждают юношей, хотя те могут даром пользоваться наставлениями любого из своих сограждан, — бросить своих и поступить к ним в ученики, принося им и деньги, и благодарность. Есть здесь и другой мудрец, приехавший, как я узнал, с Пароса. Встретился мне как-то человек, который переплатил софистам денег больше, чем все остальные, вместе взятые, — Каллий, сын Гиппоника; я и спросил его, а у него двое сыновей:

— Каллий! если бы твои сыновья были жеребята или бычки и нам предстояло бы нанять для них опытного человека, который сделал бы их еще лучше, усовершенствовав прекрасные качества, свойственные каждому из них, то это был бы какой-нибудь наездник или земледелец; ну, а теперь, раз они люди, кого ты думаешь взять для них в воспитатели? Кто знаток подобной доблести, человеческой или гражданской? Полагаю, ты об этом подумал, раз у тебя сыновья. Есть ли такой человек или нет?

— Конечно, есть.

— Кто же это? Откуда он и сколько берет за обучение?

— Это Эвен, — отвечал Каллий, — он с Пароса, а берет по пяти мин, Сократ.

И подумал я, как счастлив этот Эвен, если он в самом деле обладает таким искусством и так недорого берет за обучение. Я бы сам чванился и гордился,

если бы был искусен в этом деле; только ведь я не искусен, афиняне!

Может быть, кто-нибудь из вас возразит: «Однако, Сократ, чем же ты занимаешься? Откуда на тебя эта клевета? Наверное, если бы ты не занимался не тем, что все люди, и не поступал бы иначе, чем большинство из нас, то и не возникло бы столько слухов и толков. Скажи нам, в чем тут дело, чтобы нам зря не выдумывать».

D Вот это, мне кажется, правильно, и я постараюсь вам показать, что именно дало мне известность и навлекло на меня клевету. Слушайте же. Быть может,

« *О поэтах я узнал, что не благодаря мудрости могут они творить то, что творят, но благодаря какой-то природной способности* »

кому-нибудь из вас покажется, что я шучу, но будьте уверены, что я скажу вам сущую правду.

Я, афиняне, приобрел эту известность лишь благодаря некоей мудрости. Какая же это

E такая мудрость? Та мудрость, что, вероятно, свойственна человеку. Ею я, пожалуй, в самом деле обладаю, а те, о которых я сейчас говорил, видно, мудры какой-то особой мудростью, превосходящей человеческую, уж не знаю, как ее и назвать. Что до меня, то я ее не понимаю, а кто утверждает обратное, тот лжет и говорит это для того, чтобы оклеветать меня.

Прошу вас, не шумите, афиняне, даже если вам покажется, что я говорю несколько высокомерно. Не от себя буду я говорить, а сошлюсь на того, кто пользуется вашим доверием. В свидетели моей мудрости, если
21 есть у меня какая-то мудрость, я приведу вам бога, который в Дельфах. Вы ведь знаете Херефонта — он смолоду был моим другом и другом многих из вас, он разделял с вами изгнание и возвратился вместе с вами. И вы, конечно, знаете, каков был Херефонт, до чего он был неуправляем во всем, что бы ни затевал. Прибыв однажды в Дельфы, осмелился он обратиться к оракулу с такими вопросом.

Я вам сказал, не шумите, афиняне!

Вот Херефонт и спросил, есть ли кто на свете мудрее меня, и Пифия ответила ему, что никого нет мудрее. И хотя самого Херефонта уже нет в живых, но вот брат его, здесь присутствующий, засвидетельствует вам, что это так. Посмотрите, ради чего я это говорю: ведь мое намерение — объяснить вам, откуда пошла клевета на меня. В

Услыхав про это, стал я размышлять сам с собою таким образом: «Что такое бог хотел сказать и что он подразумевает? Потому что я сам, конечно, нимало не считаю себя мудрым. Что же это он хочет сказать, говоря, что я мудрее всех? Ведь не лжет же он: не пристало ему это». Долго недоумевал я, что такое бог хотел сказать, потом через силу прибегнул я к такому разрешению вопроса: пошел я к одному из тех людей, которые славят мудрыми, думая, что уж где-где, а тут я скорее всего опровергну прорицание, объявив оракулу: «Вот этот мудрее меня, а ты меня назвал самым мудрым». Но когда я присмотрелся к этому человеку, — называть его по имени нет никакой надобности, скажу только, что тот, наблюдая которого я составил такое впечатление, был одним из государственных людей, афиняне, — так вот я, когда побеседовал с ним, решил, что этот человек только кажется мудрым и многим другим людям, и особенно самому себе, а чтобы в самом деле он был мудрым, этого нет. Потом я попробовал показать ему, что он только мнит себя мудрым, а на самом деле вовсе не мудр. Из-за этого и сам он, и многие из присутствовавших возненавидели меня. Уходя оттуда, я рассуждал сам с собою, что этого-то человека я мудрее, потому что мы с ним, пожалуй, оба ничего дельного и путного не знаем, но он, не зная, воображает, будто что-то знает, а я если уж не знаю, то и не воображаю. На такую-то малость, думается мне, я буду мудрее, чем он, раз я коли ничего не знаю, то и не воображаю, будто знаю. Оттуда я пошел к другому, из тех, которые казались мудрее первого, и увидел то же самое: и здесь возненавидели меня и сам он, и многие другие. После стал я уже ходить D E

подряд. Замечал я, что делаюсь ненавистным, огорчился и боялся этого, но в то же время мне казалось, что слова оракула необходимо ставить выше всего.

22 Чтобы понять смысл прорицания, надо было обойти всех, кто слывет знающим что-либо. И, клянусь псом, афиняне, должен вам сказать правду, я вынес вот какое впечатление: те, что пользуются самой большой славой, показались мне, когда я исследовал дело по указанию бога, чуть ли не лишенными всякого разума, а другие, те, что считаются похуже, напротив, более одаренными разумом. Но нужно мне рассказать вам о том, как я странствовал, точно я труд какой-то нес, и все только для того, чтобы убедиться в непреложности прорицания.

В После государственных людей ходил я к поэтам — и к трагическим, и к дифирамбическим, и ко всем прочим, — чтобы хоть тут уличить себя в том, что я невежественнее их. Брал я те из их произведений, которые, как мне казалось, всего тщательнее ими обработаны, и спрашивал у них, что именно они хотели сказать, чтобы, кстати, научиться от них кое-чему. Стыдно мне, афиняне, сказать вам правду, а сказать все-таки следует. Одним словом, чуть ли не все там присутствовавшие лучше могли бы объяснить творчество этих поэтов, чем они сами. С Таким образом, и о поэтах я узнал в короткое время, что не благодаря мудрости могут они творить то, что творят, но благодаря какой-то природной способности и в исступлении, подобно гадалкам и прорицателям; ведь и эти тоже говорят много хорошего, но совсем не знают того, о чем говорят. Нечто подобное, как мне показалось, испытывают и поэты; и в то же время я заметил, что из-за своего поэтического дарования они считают себя мудрейшими из людей и во всем прочем, а на деле это не так. Ушел я и оттуда, думая, что превосхожу их тем же самым, чем и государственных людей.

D Наконец пошел я и к тем, кто занимается ручным трудом. Я сознавал, что сам, попросту говоря, ничего не умею, зато был уверен, что уже среди них найду